

Д. С. Глебова

<https://orcid.org/0009-0006-3409-2494>
✉ darsgleb@gmail.com

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
(Россия, Москва)

ЧЕГО ЖДАТЬ ОТ «СИНЕГО» ПЛАЩА? О ГРАНИЦАХ ФОРМУЛЫ В ДРЕВНЕИСЛАНДСКИХ РОДОВЫХ САГАХ

Аннотация. В статье анализируется формула «синий плащ» (*i blári kápu*) в древнеисландских родовых сагах и обсуждаются границы ее интерпретации как знака агрессии. На материале корпуса упоминаний одежды «синего» цвета в родовых сагах видно, что персонажи саг, как правило, не воспринимают цвет *blár* как однозначный сигнал насилия: либо на такую одежду не реагируют вовсе, либо по ней кого-либо узнают, так как часто одежду такого цвета избирают для маркирования статуса. Ожидание агрессии в рамках мира персонажей саги возникает лишь в ограниченных случаях и определяется ситуационным контекстом, а не цветом одежды как таковым. Особое внимание уделяется вопросу, почему именно *blár* оказывается связан с насилием на уровне нарративной конвенции. Привлекая данные о семантике цвета и о статусе крашенных тканей в средневековой Исландии, автор присоединяется к точке зрения, что в рамках нарративного мира саги *blár* обозначает прежде всего особую, не повседневную одежду, связанную с важными действиями и социальным престижем.

Ключевые слова: нарративная формула, саги об исландцах, «синий» плащ, *blár*, семиотика цвета, исландские саги, невербальная коммуникация, нарратология саги, стиль саги, крашенные ткани

Благодарности. В данной научной работе использованы результаты проекта «Язык, литература, культура в историческом и социальном измерении», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Для цитирования: Глебова Д. С. Чего ждать от «синего» плаща? О границах формулы в древнеисландских родовых сагах // Шаги/Steps. Т. 12. № 1. 2026. С. 250–271. EDN: UJRKUZ.

Поступило 1 августа 2025 г.; принято 31 января 2026 г.

D. S. Glebova

<https://orcid.org/0009-0006-3409-2494>
✉ darsgleb@gmail.com

HSE University (Russia, Moscow)

WHAT TO EXPECT FROM A “BLUE” CLOAK? ON THE LIMITS OF THE FORMULA IN OLD NORSE-ICELANDIC FAMILY SAGAS

Abstract. The article analyzes the “blue cloak” (*í blári kápu*) formula in the *Íslendingasögur* and examines the limits of its interpretation as a sign of aggression. Based on a systematic analysis of a corpus of references to “blue” clothing in family sagas, the study demonstrates that saga characters generally do not perceive the color *blár* as an unambiguous signal of violent intent: in most cases, they either do not react to such clothing at all or recognize individuals wearing it, since garments of this color frequently serve to mark social distinction and status. Expectations of aggression within the saga world arise only in a small number of cases and depend on situational and relational context rather than on color alone. The article pays special attention to the question of why *blár* nevertheless becomes associated with violence at the level of narrative convention. Drawing on evidence from color semantics and on the social and material status of dyed textiles in medieval Iceland, the author aligns with the view that within the narrative of the “saga world” *blár* primarily denotes special, non-everyday clothing associated with significant actions and social prestige, which helps explain its frequent appearance in episodes involving conflict without functioning as a stable diegetic signal of aggression. A key exception is discussed in relation to *Valla-Ljóts saga*, where the association between blue clothing and violent intent is explicitly verbalized and recognized by other characters; this episode is interpreted as a marked deviation from standard saga practice, possibly parodical, in which a narrative convention normally addressed to the audience becomes incorporated into the fictional world itself. On this basis, the article concludes that the “blue cloak” operates primarily as a convention shaping audience expectations rather than as a shared semiotic code among saga characters.

Keywords: narrative formula, *Íslendingasögur*, “blue cloak”, *blár*, Old Norse-Icelandic sagas, color semiotics, nonverbal communication, saga narratology, saga style, dyed textiles

Acknowledgements. This article has been prepared within the framework of the project “Language, Literature, and Culture in Historical and Social Perspective” that has received funding from the Basic Research Program at HSE University.

To cite this article: Glebova, D. S. (2026). What to expect from a “blue” cloak? On the limits of the formula in Old Norse-Icelandic family sagas. *Shagi / Steps*, 12(1), 250–271. EDN: UJRKUZ. (In Russian).

Received August 1, 2025; accepted January 31, 2026

1. Формула и стиль саги: Проблемы интерпретации

При обсуждении поэтики так называемых саг об исландцах (или родовых саг, *Íslendingasögur*) часто говорят об «объективном» саговом стиле, в рамках которого превалирует, выражаясь в терминах нарратологии, скорее «показ», чем «рассказ»: чувства и мотивации героев не проговариваются, и аудитория порой должна сама догадываться о причинах тех или иных действий персонажей, нередко по «симптоматическому» описанию¹. Исследователи обращают внимание на то, что в таком незаинтересованном в объяснениях нарративе важную роль играла формула как инструмент создания ожиданий у слушателей саги и объяснения происходящего: столкновение с формулой приглашало слушателей интерпретировать события и поведение героев в саге на фоне других саговых эпизодов, где эта формула им уже встречалась [Sävborg 2018: 58–59]². Примером этого процесса часто становится формула «синий плащ» (*í bláru kápu*), одна из визитных карточек родовых саг — обычно персонаж в «синем»³ плаще предпринимает попытку совершить убийство или вступить в вооруженный конфликт, а значит, искушенная в сагах аудитория при упоминании «синего» плаща или «синей» одежды в целом должна была ожидать неминуемого приближения насилия⁴.

¹ Ср. описание «объективного» стиля саги у М. И. Стеблин-Каменского [1984: 74–75], а также у А. Я. Гуревича: «...способ изображения событий, мыслей и чувств людей в сагах можно назвать (вслед за Эйнармом Оулавом Свейнссоном) симптоматическим. Автор фиксирует их постольку, поскольку эти события и душевные состояния нашли выражение в каких-то явных симптомах и поскольку симптомы эти кем-то были наблюдаемы и засвидетельствованы. По таким симптомам аудитория могла реконструировать планы, намерения и эмоции лиц, совершивших соответствующие поступки» [Гуревич 2009: 103–104]. Подробнее о разных подходах к различению модусов «показа» (showing) и «рассказа» (telling) в нарративе см. в [Klausk, Köppe 2014].

² Так, Дэниел Сэвборг, описывая формулу *sitja hjá* ‘сидеть рядом с кем-то’, отмечает, что «правильная интерпретация формулы необходима для понимания поведения и реакции персонажей и развития сюжета» (their correct interpretation is necessary for understanding the behaviour and reactions of characters and plot development) [Sävborg 2018: 65] (перевод мой, если не указано иное). В этой работе я использую термин *формула* вслед за Сэвборгом, хотя потенциального его можно было бы уточнить, назвав, например, «нарративной формулой», так как речь идет, во-первых, о прозаическом повествовании, не управляемом метрическими правилами, а во-вторых, о нарративном приеме, когда одна деталь, повторяющаяся из саги в сагу, используется для подключения аудитории к определенному набору известных контекстов (ср. термин *traditional referentiality* (Дж. Фоли)). Подробнее об особенностях формульного стиля в сагах и отличиях его описания от устно-формульной теории М. Пэрри и А. Лорда см. в цитируемой статье Д. Сэвборга.

³ Подробнее о цвете, который передает лексема *blár*, см. ниже. По ходу статьи для удобства я буду использовать перевод «синий», хотя скорее речь идет просто о темном цвете, между темно-синим и черным.

⁴ О появлении «синего» плаща в контексте насилия см., например: [Hughes 1969: 171; Hermann Pálsson 1971: 27–28; Mundt 1973; Hansen 1979; Acker 1988: 209–210; Heinemann 1993: 419–427; Straubhaar 2005; Wolf 2006b: 70–72; Rancović 2013; Sauckel 2014: 116–128; Sävborg 2007: 381; 2018: 66–67]. Из перечисленных работ наиболее объемный корпус упоминаний «синих» плащей в сагах и прядях об исландцах собран в статье Славки Ранкович [Rancović 2013] — из 50 собранных примеров всего в 12 упо-

Если формула несла в себе вполне определенный, ясный для всех смысл, то при желании приблизиться к пониманию саги, каким оно было у носителей традиции, необходимо реконструировать примерное значение формулы и понять, что именно она должна была аудитории сообщить. В этой работе я бы хотела сосредоточиться на вопросе, как именно наметившаяся в традиции связь «синего» плаща и последующего акта агрессии должна была влиять на интерпретацию сагового эпизода слушателями. Проблема заключается в том, что в традиции интерпретации этой формулы наметилось несколько конфликтующих подходов. Главное, что их отличает друг от друга, — это представление о границах мира саги и мира слушателей и о том, к какому из этих миров принадлежит сигнал от «синего плаща» о предстоящем насилии.

В исследовательской литературе не раз возникает идея скрытой агрессивной мотивации героя, стоящей за упоминанием «синего» плаща, ср. безапелляционное утверждение скандинависта Херманна Паульссона, что «синяя» одежда свидетельствует о намерении убивать: «...перемещение в синей одежде — все, что нам нужно знать о настроении и намерениях [героя], ведь обычно в сагах в синее одеты убийцы» [Hermann Pálsson 1971: 27–28]⁵. Схожим образом интерпретирует «синий» плащ и Анита Заукель в монографии об одежде в сагах и прядях об исландцах: «Агрессию и готовность к агрессии можно особенно хорошо считать по описанию одежды. Часто появляющаяся форма агрессии — то, что называется *víghugr* (“жажда сражения”, “желание убийства”). У протагонистов и остальных персонажей желание убийства часто проявляется через цвет их одеяния. <...> В дальнейшем будет показано, что ношение темно-синей одежды в сагах об исландцах поразительно часто символизирует повышенную готовность к агрессии, вплоть до жажды убийства» [Sauckel 2014: 115–116]⁶.

Так как в приведенных исследованиях не проговаривается, кому именно видна «жажда убийства» героя, можно предположить, что мотивация должна была быть очевидна по крайней мере аудитории саги. В некоторых же работах адресат «синего плаща» как знака понимается намного шире. Например, в «Саге о Бьёрне Герое долины реки Хит» Торд Кольбейнссон, главный противник заглавного героя саги, Бьёрна Арнгейрс-

---

минание «синей» одежды не ведет к насилию, что делает эти случаи скорее исключением, подтверждающим правило.

⁵ «...riding in blue clothing is all we need to know about [a person's] mood and intentions, for in the sagas blue clothing is conventionally worn by killers».

⁶ «Aggression und Aggressionsbereitschaft lassen sich an den Beschreibungen von Kleidung besonders gut ablesen. Eine sehr präzise Form der Aggression ist der sogenannte *víghugr* (‘Kampfbegierde’, ‘Mordlust’). Die Mordlust der Protagonisten und übrigen Figuren wird häufig durch die Farbigkeit ihrer Kleidungsstücke zum Ausdruck gebracht. <...> Im Folgenden wird gezeigt, dass das Tragen blauschwarzer Kleidungsstücke in den *Íslendingasögur* auffallend häufig eine erhöhte Aggressionsbereitschaft bis hin zur Mordlust symbolisiert».

сона, едет приглашать Бьёрна на зимовку в «синем» плаще. По мнению Фредерика Хейнеманна, выбирая такую одежду для поездки, Торд осознанно показывает Бьёрну, что он хочет продолжить распрю, которая остановилась из-за мировой, назначенной Олавом Святым, а Бьёрн не менее осознанно на это соглашается [Heinemann 1993: 419–427]. Такая интерпретация подразумевает, что одежда является формой невербальной коммуникации между персонажами — выбирая одежду именно цвета *blár*, Торд сообщает о своих намерениях Бьёрну, а Бьёрн принимает решение согласиться на зимовку, исходя из своего знания о семиотике цветов одежды в целом и мотивации Торда, продиктованной цветом плаща, в частности. С такой интерпретацией соглашается Славика Ранкович, которая не только схожим образом понимает эпизод приглашения на зимовку в «Саге о Бьёрне», но и распространяет тезис Хейнеманна на все саги об исландцах: «Синяя одежда должна, в идеале, прояснить намерение мстителя обидчику, так, чтобы он мог защитить себя и чтобы схватка была честной — хоть и не то, чтобы все мстители в сагах действовали так благородно...»⁷ [Rancović 2013: 148]. Под этим углом Ранкович интерпретирует «Сагу о людях из Озерной долины» — в ее прочтении герой саги надевает «синий» плащ, чтобы его противник подумал, что тот едет убивать, и потому напал на его носителя⁸. Эта интерпретация тоже основывается на пресуппозиции, что «синий» цвет одежды должен был быть конвенциональным невербальным сигналом в рамках мира саги, указывающим именно на насилие. Таким образом, по мнению Фредерика Хейнеманна и Славика Ранкович, «синий» цвет одежды должен был сигнализировать о намерениях убийцы не только аудитории, но и другим героям саги, т. е. быть сигналом не только экзегетическим, но и диегетическим. В такой перспективе «синий» плащ является знаком и мира аудитории, и мира саги, а значит, во время интерпретации мы должны учитывать не только намерения героя в «синем» плаще (убить), но и понимание героя, к которому такой персонаж приближается (он понимает, что близится опасность).

С точкой зрения Хейнеманна и Ранкович не согласился Дэниел Сэвборг, хотя и коснулся этого вопроса совсем коротко. Он заметил, что в

⁷ «Wearing *blár* is ideally supposed to make the intention of the avenger clear to the offender, so that he might defend himself and that the combat is fair — not that all avengers act so chivalrously in the sagas...»

⁸ Имеется в виду эпизод убийства Ингимунда. Так, пытаясь выгнать с земли гостя, сильно выходящего за рамки того, что для гостя дозволено, глава семейства Ингимунд едет ему навстречу в «синем» плаще. По мнению Славика Ранкович, это одеяние должно было создать у противника Ингимунда ожидание, что тот едет убивать, и потому его враг в рамках превентивной самозащиты сам убивает Ингимунда. После этого акта злодей вынужден бежать, и задача Ингимунда выгнать непрошеного гостя выполняется. Тем самым поступок Ингимунда интерпретируется как осознанная жертва («Ingimundr's act can be read as one of self-sacrifice» [Rancović 2013: 142]), принесенная ради блага округа, а «синий» плащ — как способ ввести противника в заблуждение.

«Саге о Бьёрне», которую разбирает Хейнманн, после приглашения на зимовку не происходит какой-либо попытки агрессивного столкновения [Sävborg 2018: 67]. Я уже присоединялась к этой точке зрения ранее [Глебова 2024: 239–240] и обращала внимание на яркое свидетельство в самой саге, где рассказчик напрямую проговаривает, что Торд не думал о насилии, когда приглашал Бьёрна:

Было заметно, что Торд считал, что вложения его были велики, а ничего хорошего в ответ не пришло. Бьёрн платил ему той же монетой, так как считал приглашение Торда лживым и исполненным недостойно и думал, что на такое можно ответить только плохим. Думали друг о друге оба хуже, чем раньше⁹ (Vjarnaг saga: 149)¹⁰.

Важно и то, что на зимовке Торд не предпринимает никаких агрессивных действий по отношению к Бьёрну, поэтому ожидания аудитории, которая, видимо, должна была быть настроена на скорое насилие, как будто бы оказываются обманутыми. Поэтому я решила проверить, насколько часто в корпусе родовых саг героини реагируют на «синюю» одежду и если реагируют, то как. Насколько вообще вероятна позиция Фредерика Хейнеманна и Славки Ранкович, согласно которой героини в мире саги воспринимая одежду, названную *blár*, именно как знак агрессии и выстраивают свое поведение соответствующим образом, если смотреть на весь корпус саг об исландцах в целом? Таким образом, мой вопрос состоит в том, как устроен семиозис одежды цвета *blár* именно внутри мира саги, как на нее реагируют героини и реагируют ли.

2. «Синяя» одежда в мире родовой саги

Для анализа я взяла работу [Rancović 2013] — на данный момент это самый полный корпус упоминаний «синей» одежды в сагах и прядях об исландцах — и проанализировала ее примеры с точки зрения реакции героев на соответствующий цвет облачения: есть ли она, и если да, то как именно проявлена. В этом подходе мое исследование отличалось от того, что интересовало Славку Ранкович, для которой было важно классифицировать разные функции формулы; при анализе она не учитывала, реагируют ли персонажи саги каким-либо образом на «синий» цвет одежды или нет. В этом корпусе представлены только эпизоды, где упоминается характеристика *blár* по отношению к предметам и тканям. Корпус Ранко-

⁹ Все цитаты из родовых саг даны по изданиям серии «Íslenzk fornrit» (Reykjavík: Nið íslenska bókmenntafélag, 1933–), остальные источники приведены в библиографии. Здесь и далее перевод древнеисландского текста мой, если не указано иное; через двоеточие дается номер страницы.

¹⁰ Þat fannst á, at Þórði þótti framlög sín mikil, en ekki gott í mót koma. Björn galt ok slíkt í mót, því at honum þótti heimboðit Þórðar verit hafa með glysmálum einum, en veitt kotmannliga, ok þótti illt eina fyrir vert, ok þótti báðum þá verr en áðr.

вич делится на две условных группы: 1) контексты, так или иначе связанные с насилием — либо ближайшим, либо отдаленным и 2) контексты, с насилием напрямую не связанные. В обеих группах есть случаи как с реакцией на «синий» плащ, так и с ее отсутствием.

Насилие и отсутствие реакции

Всего из 50 случаев в корпусе к группе «Насилие» можно отнести 39 примеров. При этом в большинстве случаев реакции у героев саги или их окружения на «синий» плащ нет, так как его носителя никто не видит, либо они просто никак не реагируют на человека в одежде, обозначенной как *blár*¹¹. В некоторых из этих случаев рассказ построен таким образом, чтобы было хорошо видно: жертва будущего насилия или ее окружение совсем не догадываются о мотивации носителя «синей» одежды. Так, в знаменитом эпизоде из «Саги о Хравнкеле», когда Хравнкель едет в «синем» плаще убивать пастуха Эйнара, который прокатился на коне Фрейра, Эйнар не только никак не реагирует на цвет одеяния Хравнкеля, но и даже мирно с ним беседует:

Эйнар согнал всех найденных овец в загон. Сам он улегся на стенке загона и пересчитывал скот, а женщины доили. Они поздоровались с Храфнкелем [sic!]. Тот спросил, как дела. Эйнар отвечает:

— Было у меня не все ладно: с неделю пропадали тридцать овец, но теперь они нашлись.

Храфнкель говорит, что это не в счет.

— Не случилось ли чего похуже? Не так уж часто пропадали у тебя овцы, как это обычно бывает. Но не ездил ли ты часом вчера на Конне Фрейра?

¹¹ Герой убивает (*Gísla saga*: 52, *Hrafnkels saga*: 104, *Bjarnar saga*: 177, *Hávarðar saga*: 327, *Víga-Glúms saga*: 27), снимает плащ перед совершением насилия (*Njáls saga*: 227, *Laxdæla saga*: 185), умирает (*Svarfdæla saga*: 136, *Harðar saga*: 35, *Króka-Refs saga*: 151 (Грани), *Vatnsdæla saga*: 66, *Gull-Þóris saga*: 220, *Flóamanna saga*: 246–247, см. также в виле Гисли о самом Гисли — *Gísla saga*: 68); кто-то умирает из-за человека в «синем» (*Njáls saga*: 44, *Harðar saga*: 39, *Króka-Refs saga*: 151 (Рэв), *Þórgar saga*: 176). Сюда также можно было бы отнести случай, когда Ньяль одевается в *blár* и едет к Асгриму перед тингом заручиться поддержкой (*Njáls saga*: 296), так как Ньяля позже убьют, однако совсем не сразу; скорее этот эпизод стоило бы отнести к случаям, когда герои едут в «синем» по важному поводу (см. ниже). Наконец, с насилием связан и эпизод из «Саги о Бьёрне», где на деревянном ниде (*níð*) были вырезаны фигуры двух мужчин: «То были двое мужчин, у второго на голове был синий капюшон. Они стояли наклонившись, и один стоял за другим» / *Pau váru karlar tveir, ok hafði annarr hött blán á höfði; þeir stóðu lútir, ok höfði annarr epir öðrum* (*Bjarnar saga*: 155). Из описания в саге неясно, кто именно на деревянном изображении носит «синий» капюшон, человек спереди (потенциально Торд) или сзади (потенциально Бьёрн), но в конце саги один из участников композиции умирает (Бьёрн). Из данного описания, однако, совсем не понятно, что именно призван обозначить цвет капюшона — это может быть деталь, по которой героя можно узнать (в саге в «синем» появляются и Торд, и Бьёрн), либо деталь, показывающая будущего убийцу или, наоборот, убитого.

Тот говорит, что не может этого отрицать. Храфнкель отвечает:

— Как же ты ездил на коне, для тебя запретном, когда здесь довольно таких, на которых тебе позволено ездить? Я бы, пожалуй, простил тебе вину, если бы не дал обета. Но все же хорошо, что ты признался.

И, веря, что не будет счастья человеку, преступившему клятву, он соскочил с коня, подбежал к Эйнару и зарубил его насмерть (Hrafnkels saga: 104; пер. О. А. Смирницкой [ИС 1999 (2): 22])¹².

Схожим образом устроена встреча жертвы с убийцей в «Саге о Глуме Убийце». Когда Глум в «синей» одежде подъезжает к своему противнику, его жена, стоящая рядом, любезно здоровается с Глумом и предлагает наладить их дружбу; сам противник Глума, опять же, никакого ожидания опасности не проявляет:

В поле были Вигдис и Сигмунд. И когда Вигдис увидела Глума, она пошла ему навстречу и приветствовала его:

— Нам жаль, что так слаба дружба между нами, и мы бы хотели сделать все возможное, чтобы она укрепилась (Víga-Glúms saga: 27)¹³.

Как, однако, читателю понять, ожидают ли чего-то герои от персонажа в «синем» или нет — особенно учитывая, что саговый стиль обычно не предполагает развернутого внутреннего диалога? Так, можно было бы предположить, что ожидания в таком тексте скрыты и, например, в «Саге о Глуме» Вигдис все же о чем-то догадывается, а ее предложение наладить дружбу является именно реакцией на воинственный вид Глума, попыткой предупредить насилие. Однако никаких прямых указаний на то, что она понимает замысел Глума, в саге нет — и это существенно, так как в сагах об исландцах есть несколько случаев, когда герои предчувствуют насилие от носителя «синей» одежды и проговаривают свое беспокойство вслух. Мне известны четыре таких примера, и во всех случаях беспокойство проявляют не совсем обычные категории персонажей: матери, дети и старик Ньяль, т. е. герои, явно периферийные по отношению к деятельным мужчинам в расцвете лет, которые от предупреждений обычно отмахив-

¹² Þá hafði Einnar nýrekit fé í kvíar. Hann lá á kvíagarðinum ok talði fé, en konur váru at mjólka. Þau heilsuðu honum. Hann spurði, hversu þeim færi at. Einnar svarar: «Illa hefir mér at farit, því at vant varð þriggja tuga ásaugar nær viku, en nú er fundinn». Hann kvaðst ekki at slíku telja — «eða hefir ekki verr at farit? Hefir þat ok ekki svá oft til borit sem ván hefir at verit, at fjárin hafi vant verit. En hefir þú ekki nökkut riðit Freyfaxa mínum inn fyrra dag?» Hann kveðst eigi þræta þess mega. Hrafnkell svarar: «Fyrir því reidstu þessu hrossi, er þér var bannat, þar er hin váru nóg til, er þér var lofat? Þar mynda ek hafa gefit þér upp eina sök, ef ek hefða eigi svá mikit um mælt, en þó hefir þú vel við gengit». En við þann átrúnað, at ekki verði at þeim mönnum, er heitstrengingar fella á sik, þá hljóp hann af baki til hans ok hjó hann banahögg.

¹³ En þau váru í akri Vigdís ok Sigmundur. Ok er hún Vigdís sá hann gekk hún í mót honum ok bað hann heilan koma — «þykir oss það illa er svá fátt er í frændsemi várri ok viljum vér eiga í allan hlut at fleira sé um».

ваются. Такие герои могут начать предостерегать своих близких: например, мальчик в «Саге о Хравнкеле», увидев Хравнкеля в «синем» плаще, предупреждает своего покровителя об опасности (Hrafnkels saga: 128)¹⁴, а в «Саге о Бьёрне» мать предостерегает Бьёрна от ведения дел с Тордом, приехавшим в *blár* и ведущим красивые речи (Vjarnar saga: 138)¹⁵. Или же герои подозревают, что человек в «синем» идет делать не то, что заявляет. Мать Глума Убийцы, провожая его, замечает, что облачение («синий» плащ и позолоченное копье) слишком уж тщательно подобрано для сенокоса:

Он облачился в свой синий плащ, взял позолоченное копье, распорядился седлать коня. Астрид сказала: «Слишком уж тщательно ты, сын мой, подбираешь одежду для сенокоса» (Viga-Glúms saga: 27)¹⁶, —

а старик Ньяль в «Саге о Ньяле», наблюдая одежду сыновей, говорит, что они идут убивать:

Впереди шел Скарпхедин. На нем была синяя одежда. В руках у него был небольшой круглый щит, а на плече — секира. За ним шел Кари. Он был в шелковой одежде. На голове у него был золотеный шлем, а в руках — щит, на котором был нарисован лев. За ним шел Хельги. Он был в красной одежде. На голове у него был шлем, а в руках — красный щит, на котором был нарисован олень. Все были в красеных одеждах.

Ньяль крикнул Скарпхедину:

— Ты куда собрался, сынок?

— Искать овец, — сказал тот.

— Ты уже раз ответил мне так, — сказал Ньяль, — но охотились вы тогда на людей.

Скарпхедин рассмеялся и сказал:

— Слышите, что наш старик говорит? Он что-то заподозрил (Njáls saga: 231; пер. В. П. Беркова [ИС 1999 (2): 209–210])¹⁷.

¹⁴ В целом дети проявляют большую чувствительность к «синим» плащам — например, в «Саге о Гисли» Вестейна в «синем» узнает именно девочка Раннвейг, но к ее словам не прислушиваются из-за вмешательства работника Гисли (см. далее).

¹⁵ О красивых речах Торда и эпизоде приглашения на зимовку см.: [Глебова 2024]. Показательно, что женское суждение в этом эпизоде противопоставлено мужскому, так как Тордис противостоит отец Бьёрна, Арнгейр — он уговаривает Бьёрна согласиться на зимовку ради укрепления мира между Тордом и Бьёрном, видимо, совсем не догадываясь о потенциально опасной семантике «синего» плаща (Vjarnar saga: 138) [Heinemann 1993: 428–429].

¹⁶ Hann tók þá feldinn blá ok spjótit gullrekna í hönd sér, lét söðla hest sinn. En Ástríðr sagði: «Mjök vandar þú nú sonr minn búning til heyverksins».

¹⁷ Stendr þá Njáll upp ok gengr út; hann sér, at synir hans eru allir með vápnum ok svá Kári, mágr hans. Skarphédinn var fremstr. ok var í blá m stakki ok hafði törguskjöld ok öxi sína reidda um öxl. Næst honum gekk Kári; hann hafði silkitreyju ok hjálm gyldan, skjöld ok var dreginn á leó. Næst honum gekk Helgi. Hann hafði rauðan kyrtil ok hjálm ok rauðan skjöld ok markaðr á hjörtr. Allir váru þeir í litklæðum. Njáll kallaði á Skarphédinn: «Hvert skal fara, frændi?» «Í sauðaleit,» sagði hann. «Svá var ok eitt sinn fyrr,» segir Njáll, «og veidduð

Во всех указанных случаях подозрительность героев сопряжена не с одним лишь цветом одежды, а с контекстом, в котором эта одежда появляется. Так, герои предостерегают либо потому, что узнают носителя плаща:

Скачут за нами люди, и числом не меньше восемнадцати. Среди них на коне высокий человек весь в синем, и похож он, по моему, на Храфнкеля Годи <...> И все же я бы хотел, чтобы ты побыстрее ехал на запад, в долину. Тогда ты будешь в безопасности. Я знаю нрав Храфнкеля: не захватив тебя, он не тронет и нас» (Hrafnkels saga Freysgoða: 128; пер. О. А. Смирницкой [ИС 1999 (2): 41])¹⁸;

— Там человек едет, — говорит она, — в синем плаще и очень похож на Торда, сына Кольбейна. Да это он и есть — будет его дело бесполезным (Vjarnar saga: 136–137)¹⁹, —

либо потому, что видят «синюю» одежду наряду с полным вооружением: и мать Глума, и Ньяль заметили «синий» плащ вместе с позолоченными копьями и топорами наизготовку. Поэтому можно предположить, что здесь герои скорее реагируют на контекст ситуации и проявляют здравый смысл: если кто-то говорит, что отправляется пасти овец или на сенокос, но едет при этом с золотым копьем, то можно задуматься, соответствуют ли здесь слова делу; если это человек, с которым был конфликт, его стоит опасаться. При этом сам цвет одежды не имеет большого веса, что особенно хорошо видно по эпизоду в «Саге о Ньяле», где сыновья Ньяля перед убийством одеваются не только в «синее» (Скарпхедин), но и в красное (Хельги) — т. е. Ньяль реагирует скорее на необычное одеяние в сочетании с оружием в целом, на одежду из окрашенной ткани (*litklæði*), что специально отмечает рассказчик²⁰. Таким образом, если вернуться к приветствию Вигдис, то стоит учитывать, что обычно в сагах тревога героев проговаривается, и потому либо этот эпизод сильно отличается от остальных случаев, что может быть связано с поэтикой этой конкретной саги, либо все же это не реакция на облачение Глума²¹.

þér þá menn.» Skarphéðinn hló at ok mælti: «Heyrið þér, hvat hann karlinn segir! Eigi er hann grómlaus».

¹⁸ «Menn ríða þar eftir oss», segir hann, «eigi færi en átján. Er þar mikill maðr á baki í blám klæðum, ok sýnist mér líkt Hrafnkeli goða <...> Þat vilda ek, at þú ríðir undan vestr til dals. Muntu þá geymðr. Ek kann skapi Hrafnkels, at hann mun ekki gera oss, ef hann nár þér eigi».

¹⁹ «Maðr ríðr þar», segir hon, «í blári kápu ok er alllíkr Þórði Kolbeins-syni, ok hann er ok, ok mun hans erendi óþarft».

²⁰ Убийцы в плащах других цветов есть и в других сагах, например в «Саге о фарерцах» [Ewing 2006: 226].

²¹ И даже если ее подозрение и правда остается скрытым, неясно, реагирует ли она именно на «синюю» одежду Глума или же на весь его вид в целом: на мой взгляд, здесь тоже можно было бы говорить скорее о здравомыслии, чем об опасении именно из-за «синего» плаща, так как все же Глум едет и с золотым копьем.

Узнавание

Если посмотреть на другие случаи, когда в нарративе проговаривается реакция персонажей на героя в «синей» одежде, то видно, что в подавляющем их большинстве речь идет об узнавании²². Так, герои саг могут узнавать человека по одному лишь «синему» плащу, так как он оказывается отличительной характеристикой. Например, «синий» плащ является обычной одеждой Гисли в «Саге о Гисли», что как минимум дважды используется в сюжете саги для неверного узнавания: когда девочка Раннвейг издали узнает Вестейна, работник Энунд, желая его спасти, говорит, что это едет человек из имения Гисли, завернутый в «синий» плащ хозяина; позже Гисли меняется «синим» плащом с рабом Тордом Трусоватым, что позволяет ему избежать облавы — преследователи убивают Торда, думая, что убили Гисли (Gísla saga: 41, 64–65). Как видно по этим случаям, в рамках мира конкретной «Саги о Гисли» «синий» плащ — это привычное облачение главного героя, по которому его можно распознать издали; позже и сам Гисли в виле говорит о себе как о человеке в «синем» (Gísla saga: 68). Таким образом, в мире героев «Саги о Гисли» «синий» плащ Гисли с какой-либо его воинственностью и кровожадностью не связывается — наоборот, такая одежда скорее является признаком высокого статуса, рассказчик ее описывает как «хорошую», а раб Торд Трусоватый воспринимает как роскошную:

А было у Гисли в обычае хорошо одеваться и носить синий плащ. <...> Он очень пыжился, думая, что одет великолепно (Gísla saga: 64–65; пер. О. А. Смирницкой [ИС 1999 (1): 534–535²³]).

Подобные случаи, когда «синяя» одежда является деталью, идентифицирующей личность человека, часто встречаются среди эпизодов, никак не связанных с насилием. По такой одежде узнают хёвдинга Халля с Побережья, едущего искать перемирия после сожжения семьи Ньяля (Njáls saga: 421), хёвдинга Вигфуса в роскошном «синем» облачении (Víga-Glúms saga: 16); по «синему» плащу и поведению Гудмунд Могучий сразу узнает

²² В этом «синий» плащ мало отличается от остальной одежды из окрашенной ткани — как показывает исследование Аниты Заукель, по такой одежде часто узнают персонажей [Saucel 2014: 30–31].

²³ Þat var vandí Gísla, at hann var í kápu blári ok vel búinn. <...> Hrósaði hann sér ok heldr ok þóttist vegliga búinn. Об одежде из окрашенной ткани и в целом дорогой одежде как признаке статуса в сагах см.: [Saucel 2014: 7–21]. Ср. также облачение Траина в «Саге о Ньяле», когда он начинает ожидать нападения: на его желание показать себя указывает не только сам нарратор при описании его внешнего вида, «важным» его называют и нишенки, которых Траин и его люди перевозят через реку: «Траин очень любил красивые и богатые вещи» (Njáls saga: 227; пер. В. П. Беркова [ИС 1999 (2): 206] — Þráinn var skrautmenni mikít; — букв. «человек, любящий себя украшать», ср. интерпретацию слова *skrautmenni* в словаре Р. Клисби как «a showy person»: ONP (URL: <https://onp.ku.dk/onp/onp.php?o71557>); «Очень важные люди» (Njáls saga: 231; пер. В. П. Беркова [Там же: 209] — Þeir er mestir oflátar váru).

Офейга Ярнгердарсона (*Ljósvetninga saga*: 119)²⁴. В целом, хотя в «Саге о Гисли» «синяя» одежда, безусловно, символически связана с насилием — убивают сами ее носители, убивают и их самих, — в мире героев саг она скорее оказывается признаком благородного и статусного человека или кого-то, кто пытается эту важность выставить напоказ²⁵.

Узнавание может происходить при описании не только плаща, но и других деталей одежды или в целом внешнего вида. Например, «синий» плащ может дополнять воинственное облачение, которое в совокупности позволяет узнать человека: так, в «Саге о Ньяле» в облачение Скарпхебина на тинге, кроме «синей» одежды, входят еще оружие и яркие аксессуары вроде серебряного пояса, и нарратор отмечает, что вид Скарпхебина был самым воинственным на тинге и по этому виду его узнают, даже никогда не видев раньше²⁶. Схожим образом в «Саге о людях из Лососьей долины»

²⁴ Всего эпизодов без насилия в моем корпусе 12, их тоже можно разделить на случаи с реакцией и без реакции. Кроме перечисленных в основном тексте реакций узнавания, ср. также схожие случаи в *Fljótsdæla saga*: 286, *Víglundar saga*: 78 (здесь «синий» плащ работает, наоборот, не позволяя узнать его носителя), *Króka-Refs saga*: 151. К случаям без реакции в категории «без насилия» я отношу следующие упоминания одежды: богатая одежда (*Laxdæla saga* / *Bolla þátr*: 237 — Болли вернулся из Константинополя, и можно ожидать, что его облачение связано с его статусом и уровнем богатства); одежда магических специалистов и потусторонних существ (*Eiríks saga*: 206, *Halldórs þátr*: 257). Сюда же можно было бы включить и упоминание плаща Глума Убийцы перед тем, как он его отдаст: как только Глум лишается плаща, на него начинают действовать силы Фрейра; это может говорить о том, что пока Глум носил «синий» плащ, он находился под защитой Одина (*Víga-Glúms saga*: 86; ср. об одиноческом мотиве в «Саге о Глуме» *Víga-Glúms saga*: 77, f. 1). Наконец, к этой же категории можно было бы отнести два эпизода, где на «синие» плащи героев реагирует рассказчик, а не персонажи саги (*Ljósvetninga saga*: 88, *Egils saga*: 284).

²⁵ По «синему» плащу также узнает своего ненавистного будущего отчима Халли в «Саге о Льоте с Полей», после чего сразу его убивает: «Он спустился теперь с лошади и вот сидит в лесу, до тех пор пока не увидел, как человек едет в “синем” плаще через реку, и узнает Торви» (*Valla-Ljóts saga*: 235) (*Hann steig nú af baki hesti sínum, ok sitr hann nú í skóginum, þar til er hann sá mann ríða í blári kápu yfir ána, ok þar kennir hann Torfa. Hann sprettr upp ok hleyptr at honum ok hjó hann banahögg*). По мнению Славки Ранкович, Торви едет в «синем» плаще, поскольку он хочет отомстить Халли за оскорбления, и Халли этого ожидал, так как специально остановился в лесу и стал его караулить [*Rancović* 2013: 134]. Такая трактовка может быть вероятной, хотя и не единственной. Во-первых, учитывая контексты, в которых проявляется важность и статусность героя, у «синего» облачения Торви может быть не только прагматика мести — Торви, имея не очень благородное происхождение, но большой достаток, мог носить «синюю» одежду, чтобы выглядеть более статусно. Во-вторых, Халли только что нанес Торви существенное оскорбление, и резонно предположить, что он ожидает немедленной реакции Торви вне зависимости от того, в какой одежде тот едет. Важно и то, что рассказчик специально оговаривает, что Халли узнает Торви по плащу, из чего можно предположить: для рассказа был особенно значим именно момент узнавания, а не только цвет плаща.

²⁶ «Вид у него был на редкость воинственный, и все, даже те, кто его никогда не видел, узнавали его» (*Njáls saga*: 304, пер. В. П. Беркова [ИС 1999 (2): 256] (*Hann var allra manna hermannlegastr ok kenndu því hann allir ósenn*)). Так как в этом эпизоде насилия как такового не происходит, его можно было бы отнести к случаям без насилия, однако существенно, что, как здесь сказано, люди на тинге воспринимали Скарпхебина как имеющего очень воинственный вид, т. е. связь «синей» одежды с ожиданием насилия в мире саги все же есть.

подслеповатый Хельги просит мальчика описать приближающихся к хутору людей и когда слышит, что несколько из них в «синем», он опознает их по внешнему виду, хотя поначалу недоумевает (возможно, иронизируя), почему к нему едут именно эти люди:

Мальчик отвечал:

— Там сидел один человек на крашеном седле, в синем плаще. Он был высок ростом, и у него был воинственный вид. Над висками у него была лысина, и зубы его были все время видны.

Хельги сказал:

— Этого человека я сразу узнаю по твоему рассказу. Ты видел Торгильса, сына Халлы, с запада, из Хёрдадала. Но чего хочешь от нас этот задира? (*Laxdæla saga*: 187–188; пер. В. Г. Адмони и Т. И. Сильман [ИС 1999 (1): 372]²⁷).

Таким образом, в большинстве примеров в сагах об исландцах герои при виде «синей» одежды либо идентифицируют человека, либо, если это особая категория людей (матери, дети, старики), проявляют к нему недоверие — однако это всегда соотносится либо с воинственным видом героя в целом, либо с его узнаванием.

«Синий» плащ и ожидание насилия

Из всего корпуса выделяется лишь пять примеров, когда потенциальные жертвы насилия сами ожидают агрессии со стороны героя, одетого в «синюю» одежду. Например, в «Саге о людях с Песчаного берега» колдунья Катла предчувствует опасность для себя и сына, когда узнает по описанию другую колдунью, Гейррид, а Бьёрн Боец с Широкого фьорда, узнав по плащу Снорри Годи, сразу готовится сражаться (*Eyrbyggja saga*: 53, 134). У этих случаев есть важная особенность, которая отличает их от приведенных выше примеров, когда жертва (например, Эйвинд в «Саге о Хравнкеле» или Хельги в «Саге о людях из Лососьей долины») не понимает, в чем состоит опасность приближающегося человека в «синем». Если там мотивы героев в «синем» сага четко проговаривает только аудитории (мы знаем, что Хравнкель едет убивать, а Эйвинд этого не знает; мальчик же особенно прозорлив), то здесь эти мотивы доступны и самим потенциальным жертвам насилия — узнав своих врагов, с которыми никакого перемирия заключено не было, они резонно опасаются. Схожим образом устроены и примеры, когда персонажи ждут мести от человека с «синими» предметами: так, Флоси ждет мести от Кари, чей клинок «посинел» (*Njáls saga*: 335)²⁸, а Хельги — от Гудрун в «синем» переднике (*Laxdæla*

²⁷ Sveinninn mælti: «Þar sat maðr í steindum soðli ok í blári kápu; sá var mikill ok drengiligr, vikótr ok nokkut tannbergr.» Helgi segir: «Þenna mann kenni ek gørla at frásögn þinni; þar hefir þú sét Þorgils Hølluson vestan úr Hørdadal; eða hvað mun hann vilja oss, kappinn?»

²⁸ Синевая меча и вообще металла встречается и за пределами родовых саг, например, в скальдической поэзии (*Krm 10VIII (Skp VIII, 736), Egill Lv 35V (Skp V, 279)*); ср.

saga: 168). Но и здесь ожидания этих героев продиктованы скорее самой ситуацией, ведь Флоси совсем недавно сжег близких Кари (самому Кари удалось сбежать), а Хельги только что обтер копьё с кровью мужа Гудрун о ее передник.

Лишь в одном случае эксплицитно сказано, что «синяя» одежда говорит героям вокруг о модусе настроения, в котором находится носитель облачения, т. е. и правда является знаком невербальной коммуникации внутри мира саги. Это известный эпизод из «Саги о Льоте с Полей», где при виде главного героя саги в «синей» рубахе Халли начинает спешно готовиться к бою. Однако значимо, что прямо перед этим сага специально оговаривает: Лют ходит в «синей» одежде и с топором, когда собирается убивать. Именно в этом виде его встречают люди Халли и потому могут настроиться на битву (ср. *Valla-Ljóts saga*: 245):

Были известны приметы того, в каком он настроении: у него было два облачения, [одно] — короткий «синий» кюртиль²⁹ и «рогатая» секира, была окована железом рукоять; так он был одет, когда жаждал убить. А в хорошем настроении надевал коричневый кюртиль, в руке же держал выложенную [инкрустированную] алебарду (*Valla-Ljóts saga*: 240)³⁰.

Этот случай ясно показывает: составителю саги недостаточно просто упомянуть цвет одежды, чтобы было ясно, что герои будут ожидать беды от носителя «синего». Поэтому мне не кажется возможным считать его ключом ко всем остальным случаям облачения убийц в «синюю» одежду, как это сформулировано в книге Аниты Заукель: «Один из наиболее впечатляющих примеров существования правильной (*regelrechter*) “одежды для убийства” синего цвета дает “Сага о Льоте с Полей”» [Saukel 2014: 116]³¹. Наоборот, скорее случай «Саги о Льоте» показывает, что как раз в мире родовых саг нет негласного правила о надлежащем облачении перед убийством именно в «синее» — чтобы мотивировать решения героев, рассказчику потребовалось сделать отдельный развернутый комментарий о манере Льюта одеваться, и знание этой манеры окружающими становится частью сюжета саги. Ничего подобного в других эпизодах, где появляется «синяя» одежда, нет³².

также контексты для синей брони в рыцарских сагах и переводных текстах в ONP, *blár* I, 2 (URL: <https://onp.ku.dk/onp.php?o8967>).

²⁹ *Kyrtill* — рубаха, которая могла быть как короткой, так и длинной, ср. ONP, *kyrtill* (URL: <https://onp.ku.dk/onp.php?o46929>).

³⁰ *Þat var til marks, hversu honum líkaði: hann átti tvennan búnað, blán kyrtil stuttan, ok ðxi snaghyrnda, ok var vafit járni skaptit; þá var hann svá búinn, er víghugr var á honum. En þá er honum líkaði vel, hafði hann þá brúnan kyrtil, ok bryntröll rekit í hendi.*

³¹ *Eines der eindrucklichsten Beispiele für die Existenz regelrechter “Totschlagskleidung” in der Farbe blár bietet die Valla-Ljóts saga.*

³² Пограничным примером я считаю случай из «Саги о названных братьях», где один из главных героев, Тормод, посылает Одди-Вшивца к друзьям в своем плаще (который из черного уже превратился в «синий», см. подробнее об этом перевоплощении:

Однако простроенная в «Саге о Льоте» четкая связь между насилием и одеждой цвета *blár*, безусловно, привлекает особое внимание, так как она сильно выделяется из привычного взаимодействия с цветом в рамках саговой поэтики. Как я постаралась показать выше, обычно в мире родовой саги один лишь «синий» цвет плаща не является поводом для беспокойства: при появлении кого-то в такой одежде герои либо не реагируют совсем, либо просто узнают персонажа, либо реагируют в соответствии с имеющимся у них знанием — если есть основания для нападения и от этого героя его можно ожидать, то они защищаются; если же нет, то ничего не предпринимают. При этом обилие эпизодов, где убивают именно люди в «синем», не могло не формировать у аудитории определенный горизонт ожиданий. Поэтому с уверенностью можно скорее говорить о том, что связь насилия и «синей» одежды является конвенцией именно между рассказчиком и аудиторией, а не между самими героями внутри мира саги. «Сага о Льоте» же это положение вещей резко нарушает, так как здесь элемент нарративной конвенции, обычно направленный только на аудиторию, становится частью самого рассказа. Возможно, перед нами след средневековой пародии, комического, когда скрытая часть конвенции саг об исландцах начала обыгрываться в рамках самой традиции. Не присутствует ли комическое и в другой части облачения Льота, ведь, судя по саге, Льот всегда был вооружен до зубов: когда хотел убивать, он ходил в «синем» и с топором, а в «хорошем настроении» (*er honum líkadi vel*) — в коричневом и с украшенной двусторонней секирой (*bryntröll rekít*)?

3. Почему именно *blár*?

При всей своей эксцентричности эпизод из «Саги о Льоте» позволяет лучше понять, почему все же убийцы в сагах так часто ходят в одежде цвета *blár*. Для этого следует обратить внимание на другое описание Льота — та же особенность его манеры одеваться отражается в «Пряди о Болли, сыне Болли», но там эта деталь не задействована в сюжете и является просто частью портрета Льота:

[Rancović 2013, 131–132]). Друзья Тормода узнают плащ (*kenna kápuna*) и догадываются, что это Тормод послал к ним Одди и готовится что-то сделать («Они узнают плащ и понимают, что Тормод, должно быть, послал Одди Вшивца к ним на встречу потому, что он собирается совершать какие-то большие дела» (*Fóstbræðra saga*: 241); *Þeir kenna kápuna ok þykkjast vita, at Þormóðr mun því sent hafa Lúsa-Odda til fundar við þá, at hann mun ætlast fyrir nokkut stórvirki at gera*). Таким образом, ожидание «больших дел» (потенциально насилия) снова предваряется идентификацией — однако из формулировки неясно, того ли, что это плащ Тормода, или что это именно «синий» плащ Тормода. В целом плащ в этом эпизоде работает практически как невербальный сигнал, передающий персонажам саги сообщение о действиях Тормода — однако из саги непонятно, сформировано ли у героев ожидание *stórvirki* ‘подвиги, свершения’ тем, что Тормод послал именно «синий» плащ, или скорее всей нестандартной ситуацией. В этой неясности эпизод из «Саги о названных братьях» отличается от случая из «Саги о Льоте с Полей», где облачение Льота семиотизируется открыто.

Он всегда ходил в черной одежде и с палицей, однако, когда собирался с кем-нибудь биться, одевался в синее и вооружался секирой с загнутыми углами (*Laxdæla saga* / *Bolla þátr*: 245; пер. Е. А. Гуревич [ИП 1995: 572])³³.

Цвет одеяния в «Пряди о Болли» и в «Саге о Льоте» различается: в пряди Льот обычно ходит в черной (*svartr*) одежде, а когда собирается убивать — в «синей» (*blár*). В «Саге о Льоте» же иначе: цвет одежды *brúnn* 'коричневый', когда Льоту все нравится (*er honum líkaði vel*), vs *blár* 'синий' для убийства. Можно заметить, что в «Пряди о Болли» прослеживается четкая оппозиция «повседневный / особенный» (*hversdagliga* 'ежедневно' vs *ef hann bjósk til víga* 'когда он готовился убить').

Вариация между *svartr* и *brúnn* для повседневной одежды может быть связана с реальностью древней Исландии: так, Сандра Баллиф Страубхаар, проанализировав употребление лексем *ðokkr* 'темный', *blár* 'синий', *brúnn* 'коричневый' и *svartr* 'черный', согласилась с предположением Эйнара Оулавюра Свейнссона, что как *svartr* и *brúnn* обычно обозначались естественные темные оттенки (*sauðarlitur*), а как *blár* — темные, но достигнутые с помощью окрашивания: «По поводу цвета одежды Льота: черный куртиль был естественного цвета, а синий куртиль был окрашен в иссиня-черный» [Straubhaar 2005: 63]³⁴ (*Laxdæla saga*: 245, f. 1). К схожему выводу пришла и Кирстен Вольф годом позже: рассматривая пересечения в семантике *blár* и *svartr*, она отметила, что как *blár* часто обозначается именно ткань, и потому предположила, что таким образом обозначался просто темный цвет (включая и темно-синий, и оттенок черного), получаемый либо из местного красителя, либо из вайды (*Isatis tinctoria*) [Wolf 2006a: 1078–1079; 2006b: 70–71, 74; 2013: 159]³⁵. Таким образом, в примере из «Саги о Льоте» и «Пряди, о Болли сыне Болли» речь идет о том, что Льот выбирает одежду из «обычной» ткани в повседневной носке (или «в хорошем настроении»), если идти за текстом саги), а из окрашенной — когда собирается убивать³⁶.

³³ Þat var búningr hans [Ljóts] hversdagliga, at hann hafði svartan kyrtil ok refði í hendi, en ef hann bjósk til víga, þá hafði hann blán kyrtil ok öxi snaghyrnda.

³⁴ Um litinn á klæðum Ljóts er þess að geta, að hinn svartu kyrtill hefur verið með sauðarlit, en blái kyrtillinn litaður svartblár.

³⁵ По мнению Кирстен Вольф, четкое разделение «синего» и «черного» в лексиконе происходит, когда появляется возможность окрашивать вещи в чистый черный цвет, т. е. не раньше XIV в., до этого любая темная одежда все равно имела оттенки синего. Как только стало возможным окрашивать ткань именно в глубокий черный цвет, *blár* закрепляется за синим цветом, а *svartr* за черным [Wolf 2006a: 1079].

³⁶ Мне известен всего один случай, где тоже есть перемена одежды какого-либо цвета на *blár* — и тоже в рамках оппозиции «повседневный / особенный». Так, за пределами корпуса саг об исландцах, в «Саге о Лаврентии» архиепископ Йорунд наставляет Лаврентия ходить в коричневой (*brúnn*) одежде по праздникам, а в синей (*blár*) — в обычные дни [Laurentius saga 1969: 16]. Учитывая контекст описания Льота, который я рассматривала ранее, наставление Йорунда вполне можно понять как инверсию обычного, светского уклада жизни: если для Льота *svartr* и *brúnn* — это цвета повседневной одежды, а *blár* — для одежды, надеваемой по особому случаю, то Йорунд наставляет будущего епископа, наоборот, носить одежду «особого» цвета в обычные дни и «повседневного» — по праздникам.

Особый статус крашеной ткани легко понять: сделать ткань глубокого цвета было непросто, это было доступно только умелым красильщикам [Walton 1988: 153; Ewing 2006: 225]. При этом, как остроумно отметил Тор Юинг, археологических находок тканей синего цвета так много и они настолько превышают количество тканевых находок других цветов, что возникает впечатление, что если одежда и была крашеной, то чаще всего именно в синий, с применением индигофина, — поэтому большое количество героев-убийц в одежде цвета *blár*, вероятно, объясняется тем, что это был основной доступный вариант именно окрашенной одежды [Ewing 2006: 225–226]³⁷. Поэтому неслучайно в сагах так часто отмечается, что по плащу именно узнают героев — в этом «синий» плащ мало отличается от остальной окрашенной или особенной одежды, по которой часто узнают людей в сагах [Sauckel 2014: 30–31]. Таким образом, если одежда темных оттенков (*blár*) была самым распространенным вариантом одежды из окрашенной ткани, которая воспринималась как предназначенная для особых случаев и маркирующая особый статус носителя, то становится понятно, почему в *blár* ходят и убийцы, и миротворцы, и просто статусные люди, — для выбора одежды из такой ткани важно намерение не столько убить, сколько сделать важное дело или показать собственную важность³⁸.

При этом очевидно, что в древнескандинавской культуре цвет *blár* ассоциировался со смертью и потусторонним миром, так как с этим цветом связаны главные персонажи, отвечающие за посмертные миры, — Хель и Один³⁹. В «Младшей Эдде» о Хель говорится, что она «наполовину си-

³⁷ Сама по себе вайда в Северной Европе не росла, но, судя по археологическим находкам семян, она достигла Скандинавии уже в раннем железном веке — индигофин появляется в находках из болотных захоронений в Скандинавии уже IV–III вв. до н. э., в Дании; далее он часто обнаруживается на тканях эпохи викингов [Walton 1988: 153; Ewing 2006: 225; Vanden Berghe et al. 2009: 1918; Łucejko et al. 2021: 2278]; об индигофине в исландских находках эпохи викингов см.: [Smith et al. 2019: 99, 107, 109]; о синем из вайды в скандинавском Йорке см.: [Taylor 1983: 153]. Однако в ранних датских находках индигофин только один раз из 28 образцов используется как основной цвет; в остальных случаях его смешивали с иными цветами, видимо, желая получить зеленый оттенок или сделать узор из двух цветов [Vanden Berghe, Gleba, Mannering 2009: 1918].

³⁸ Ср. схожую интерпретацию в [Foote 1963: 77; Straubhaar 2005: 65; Ewing 2006: 226].

³⁹ Здесь можно было бы добавить, что в синем хоронили (см. выше примеч. 37), однако есть скандинавские захоронения и с остатками красных тканей, окрашенных мареной красильной (англ. *madder*, лат. *Rubia tinctorum*) [Łucejko et al. 2021: 2284], поэтому практика захоронений не позволяет делать выводы о том, был ли цвет вайды связан со смертью или сама по себе крашеная одежда воспринималась как особенная и подходящая для захоронения. Связь *blár* с миром насилия и потусторонним миром именно как «синего» (или иссиня-черного), цвета вайды, встречается также в античных источниках о бриттах — так, Цезарь упоминает, что они раскрашивают свои тела в синий (*caeruleum*) для устрашения врагов (Caes. *BG* V.14.2), а Плиний Старший добавляет, что у бриттов женщины окрашивают кожу в синий (*glastum*) перед ритуалами, «подражая цвету эфипов» («*Simili plantagini — glastum in Gallia vocatur — Britannorum coniuges nurusque toto corpore oblitae quibusdam in sacris nudaе incedunt, Aethiorum colore imitantes*» — «Подобными растениями, называемыми в Галлии *glastum* [вайда], жены бриттов и дочери все тело вымазывают и таким образом голые

няя, а наполовину — цвета мяса» (пер. О. А. Смирницкой [МЭ 2006: 31])⁴⁰; в исландском языке часто встречается сравнение *blár sem hel* ‘синяя как хель’ — так описываются призраки и, видимо, настроение человека [Wolf 2006b: 61]. Один же часто ходит в синей одежде, ср. в «Речах Гримнира»: «Пришелец был в синем плаще и назвался Гримнир» (пер. А. И. Корсуна [СЭ 1975: 210])⁴¹. Таким образом, в источниках связь между Хель, Одином и цветом *blár* прослеживается четко — однако, как было показано ранее, в сагах этот цвет явно ассоциируется и с престижной, особенной одеждой⁴². Поэтому можно предположить, что в рамках бытования формулы «синий плащ» «особость» одежды цвета *blár*, возможно в том числе в силу связи с Одином, распознавалась и в мире саги, и в мире ее аудитории, в то время как предчувствие насилия существовало все же только в мире аудитории, но не саги, — по крайней мере, такая конвенция выступает из приведенного анализа эпизодов.

Что касается дискуссии о семиотике цвета плаща Торда в «Саге о Бьёрне», неясно, почему именно в этой саге, где об агрессивной мотивации Торда ничего не сказано (даже наоборот, она несколько раз обусловлена благими намерениями), «синий» плащ Торда должен значить некое скрытое намерение продолжить агрессию, которое Бьёрн должен считать. Скорее я бы предположила, что Торд надевает плащ цвета *blár* как предмет роскоши, тем самым стараясь подчеркнуть свой высокий статус или уровень достатка. На уровне же саговой повествовательной конвенции эта деталь может сигнализировать аудитории, что вся зимовка ни к чему хорошему не приведет, — ведь именно там завяжется основной конфликт, из-за которого в конце саги Бьёрн погибнет. Однако к миру саги этот исход не относится; во время приглашения на зимовку и во время самой зимовки о смерти Бьёрна речь все же не идет. Тем самым между миром саги и миром ее аудитории можно нащупать довольно четкую границу, скрытую на уровне нарративной конвенции и употребления формул, договоренностей между рассказчиком и аудиторией.

Источники

ИП 2016 — Исландские пряди / Изд. подгот. Е. А. Гуревич. М.: Наука, 2016.

вступают в религиозные обряды, подражая цвету эфиопов») (Plin NHXXII.2), см.: [Пастуро 2017: 21].

⁴⁰ Hon er blá hálf, en hálf með hǫrundarlit [Snorri Sturluson 2005: 27].

⁴¹ Sá var í feldi blám ok nefndiz Grímnir [Grímnismál 2014: 368]; ср. также примеры в [Wolf 2006b: 71, f. 22].

⁴² В качестве всего лишь гипотезы предположу, что цвет *blár* был связан со смертью и Одином именно потому, что изначально был на особом счету в силу доступности его искусственного получения и ассоциировался с обработанным/культурным, противопоставляемым естественному/природному; ср. оппозицию «сырое — готовое — гнилое» в работах Клода Леви-Строса (см., например: [Леви-Строс 2000: 363–365]).

- ИС 1999 — Исландские саги / Под ред. О. А. Смирницкой. В 2 т. СПб.: Ж-л «Нева»; Летний сад, 1999.
- МЭ 2006 — *Снорри Стурлусон*. Младшая Эдда / Изд. подгот. О. А. Смирницкая, М. И. Стеблин-Каменский. СПб.: Наука, 2006. (Репринт изд. 1970 г.).
- СЭ 1975 — Старшая Эдда / Пер. А. Корсуна // Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о нибелунгах / Вступ. ст. А. Гуревича; Примеч. О. Смирницкой, М. Стеблин-Каменского, А. Гуревича. М.: Худ. лит., 1975. С. 182–356.
- Grímnismál 2014 — Grímnismál // Eddukvæði. [Bd.] 1: Goðakvæði / Jónas Kristjánsson og Vésteinn Ólason gáfu út. Reykjavík: Hið íslenska bókmenntafélag, 2014. Bls. 367–379.
- Laurentius saga 1969 — Laurentius saga biskups / Ed. Árni Björnsson. Reykjavík: Ísafold, 1969.
- Skp V — Poetry in sagas of Icelanders / Ed. by M. Clunies Ross, K. E. Gade, T. Wills. Turnhout: Brepols, 2022.
- Skp VIII — Poetry in fornaldarsögur / Ed. by M. Clunies Ross. Turnhout: Brepols, 2017.
- Snorri Sturluson 2005 — *Snorri Sturluson*. Edda. Prologue and *Gylfaginning* / Ed. by A. Faulkes. London: Univ. College London, 2005.
- ONP — ONP: Dictionary of Old Norse Prose / Ed. by Aldís Sigurðardóttir et al. Copenhagen: Univ. of Copenhagen, n. d. URL: <https://onp.ku.dk/onp/onp.php>.

Литература

- Глебова 2024 — *Глебова Д. С.* О чем говорят «красивыми словами» в древнеисландской книжности? // Шаги / Steps. Т. 10. № 2. 2024. С. 234–255. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2024-10-2-234-255>.
- Гуревич 2009 — *Гуревич А. Я.* Эдда и сага // Гуревич А. Я. Избранные труды. Норвежское общество. М.: Традиция, 2009. С. 13–150.
- Леви-Строс 2000 — *Леви-Строс К.* Мифологии. Т. 3: Происхождение застольных обычаев / [Пер. с фр. Е. О. Пучковой]. М.; СПб.: Университетская книга, 2000.
- Пастуро 2017 — *Пастуро М.* Синий. История цвета / Пер. с фр. Н. Кулиш. М.: Нов. лит. обозрение, 2017.
- Стеблин-Каменский 1984 — *Стеблин-Каменский М. И.* Мир саги: Становление литературы. Л.: Наука, 1984.
- Acker 1988 — *Valla-Ljóts saga* / Trans. with an intro. and notes by P. Acker // *Comparative Criticism*. Vol. 10. 1988. P. 207–239.
- Ewing 2006 — *Ewing J. T.* ‘i litklæðum’ — coloured clothes in medieval Scandinavian literature and archaeology // *The fantastic in Old Norse / Icelandic literature: Preprint papers of the 13th International Saga Conference, Durham and York, 6th–12th August, 2006*. Vol. 2 / Ed. by J. McKinnell, D. Ashurst, D. Kick. Durham: Univ. of Durham, Centre for Medieval and Renaissance Studies, 2006. P. 223–230.
- Foote 1963 — *Foote P.* An essay on the *Saga of Gisli* and its Icelandic background // *The Saga of Gisli* / Trans. G. Johnston. Toronto: Univ. of Toronto Press, 1963. P. 93–134.
- Hansen 1979 — *Hansen F.* Benbrud og bane i blåt // *Scripta Islandica*. Vol. 30. 1979. P. 13–24.
- Heinemann 1993 — *Heinemann F.* Intertextuality in *Bjarnar saga hítðælakappa* // *Saga-Book*. Vol. 23. 1993. P. 419–432.
- Hermann Pálsson 1971 — *Hermann Pálsson*. Art and ethics in *Hrafnkels saga*. Copenhagen: Munksgaard, 1971.
- Hughes 1969 — *Hughes G. I.* A possible saga convention // *English Studies in Africa*. Vol. 12. No. 2. 1969. P. 167–173.

- Klauk, Köppe 2014 — *Klauk, T., Köppe, T.* Telling vs. showing // The living handbook of narratology / Ed. by P. Hühn et al. Hamburg: Hamburg University, 2014. URL: <https://www-archiv.fdm.uni-hamburg.de/lhn/node/84.html>.
- Łucejko et al. 2021 — *Łucejko J. J., Vedeler M., Degano I.* Textile dyes from Gokstad Viking ship's grave // *Heritage*. Vol. 4. No. 3. 2021. P. 2278–2286.
- Mundt 1973 — *Mundt M.* Observations on the influence of Þiðriks saga on Icelandic saga writing // Proceedings of the First International Saga Conference, University of Edinburgh, 1971 / Ed. by P. Foote, H. Pálsson, D. Slay. London: The Viking Society for Northern Research; University College London, 1973. P. 335–359.
- Rancović 2013 — *Ranković S.* The temporality of the (immanent) saga: Tinkering with formulas // Dating the sagas: Reviews and revisions / Ed. by E. Mundal. Copenhagen: Museum Tusulanum Press, 2013. P. 147–190.
- Sauckel 2014 — *Sauckel A.* Die literarische Funktion von Kleidung in den Íslendingasögur und Íslendingaþættir. Berlin; Boston: De Gruyter, 2014.
- Sävborg 2007 — *Sävborg D.* Sagan om kärleken: Erotik, känslor och berättarkonst i norrön litteratur 950–1350. Uppsala: Uppsala Universitet, 2007.
- Sävborg 2018 — *Sävborg D.* The formula in Icelandic saga prose // *Saga-Book*. Vol. 42. 2018. P. 51–86.
- Smith et al. 2019 — *Smith K., Smith M., Frei K.* “Tangled up in blue”: The death, dress and identity of an early Viking-age female settler from Ketilsstaðir, Iceland // *Medieval Archaeology*. Vol. 63. No. 1. 2019. P. 95–127.
- Straubhaar 2005 — *Straubhaar S. B.* Wrapped in a blue mantle: Fashions for Icelandic slayers? // *Medieval clothing and textiles*. Vol. 1 / Ed. by R. Netherton, G. R. Owen-Crocker. Woodbridge, Suffolk: The Boydell Press, 2005. P. 53–65.
- Taylor 1983 — *Taylor G. W.* Detection and identification of dyes on Anglo-Scandinavian textiles // *Studies in Conservation*. Vol. 28. No. 4. 1983. P. 153–160.
- Vanden Berghe et al. 2009 — *Vanden Berghe I., Gleba M., Mannering U.* Towards the identification of dyestuffs in Early Iron Age Scandinavian peat bog textiles // *Journal of Archaeological Science*. Vol. 36. 2009. P. 1910–1921.
- Walton 1988 — *Walton P.* Dyes and wools in Iron Age textiles from Norway and Denmark // *Journal of Danish Archaeology*. Vol. 7. No. 1. 1988. P. 144–158.
- Wolf 2006a — *Wolf K.* The color blue in Old Norse-Icelandic literature // The fantastic in Old Norse / Icelandic literature: Preprint papers of the 13th International Saga Conference, Durham and York, 6th–12th August, 2006. Vol. 2 / Ed. by J. McKinnell, D. Ashurst, D. Kick. Durham: Univ. of Durham, Centre for Medieval and Renaissance Studies, 2006. 1071–1080.
- Wolf 2006b — *Wolf K.* The color blue in Old Norse-Icelandic literature // *Scripta Islandica*. Vol. 57. 2006. P. 55–78.
- Wolf 2013 — *Wolf K.* Basic color terms in Old Norse-Icelandic: A quantitative study // *Orð og tunga*. Vol. 15. 2013. P. 141–161.

References

- Acker, P. (Trans. with Intro., and Notes) (1988). Valla-Ljóts saga. *Comparative Criticism*, 10, 207–239.
- Ewing, J. T. (2006). “í litklæðum”: Coloured clothes in medieval Scandinavian literature and archaeology. In J. McKinnell, D. Ashurst, & D. Kick (Eds.) *The fantastic in Old Norse / Icelandic literature: Preprint papers of the 13th International Saga Conference, Durham and York, 6th–12th August, 2006* (Vol. 2, pp. 223–230). Univ. of Durham, Centre for Medieval and Renaissance Studies.

- Foote, P. (1963). An essay on the *Saga of Gisli* and its Icelandic background. In G. Johnston (Trans.) *The Saga of Gisli* (pp. 93–134). Univ. of Toronto Press.
- Glebova, D. S. (2024). O chem govoriat “krasivymi slovami” v drevneislandskoj knizhnosti? [What do they talk about in “fair words” in Old Norse-Icelandic literature?]. *Shagi/Steps*, 10(2), 234–255. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2024-10-2-234-255>. (In Russian).
- Gurevich, A. Ia. (2009). Edda i saga [Edda and saga]. In A. Ia. Gurevich. *Izbrannye trudy. Norvezhscoe obshchestvo* (pp. 13–150). Traditsiia. (In Russian).
- Hansen, F. (1979). Benbrud og bane i blåt. *Scripta Islandica*, 30, 13–24.
- Heinemann, F. (1993). Intertextuality in *Bjarnar saga hítðælakappa*. *Saga-Book*, 23, 419–432.
- Hermann Pálsson (1971). *Art and ethics in Hrafnkels saga*. Munksgaard.
- Hughes, G. I. (1969). A possible saga convention. *English Studies in Africa*, 12(2), 167–173.
- Klauk, T., & Köppe, T. (2014). Telling vs. showing. In P. Hühn et al. (Eds.). *The living handbook of narratology*. Hamburg University. <https://www-archiv.fdm.uni-hamburg.de/lhn/node/84.html>.
- Lévi-Strauss, C. (1968). *Mythologiques, [Vol.] 3: L'origine des manières de table*. Plon.
- Łucejko, J. J., Vedeler, M., & Degano, I. (2021). Textile dyes from Gokstad Viking ship's grave. *Heritage*, 4(3), 2278–2286.
- Mundt, M. (1973). Observations on the influence of *Piðriks saga* on Icelandic saga writing. In P. Foote, H. Pálsson, & D. Slay (Eds.). *Proceedings of the First International Saga Conference, University of Edinburgh, 1971* (pp. 335–359). The Viking Society for Northern Research; University College London.
- Pastoureau, M. (2000). *Bleu: Histoire d'une couleur*. Éditions du Seuil.
- Ranković, S. (2013). The temporality of the (immanent) saga: Tinkering with formulas. In E. Mundal (Ed.). *Dating the sagas: Reviews and revisions* (pp. 147–190). Museum Tusulanum Press.
- Sauckel, A. (2014). *Die literarische Funktion von Kleidung in den Íslendingasögur und Íslendingaþættir*. De Gruyter.
- Sävborg, D. (2007). *Sagan om kärleken: Erotik, känslor och berättarkonst i norrön litteratur 950–1350*. Uppsala Universitet.
- Sävborg, D. (2018). The formula in Icelandic saga prose. *Saga-Book*, 42, 51–86.
- Smith, K., Smith, M., & Frei, K. (2019). “Tangled up in blue”: The death, dress and identity of an early Viking-age female settler from Ketilsstaðir, Iceland. *Medieval Archaeology*, 63(1), 95–127.
- Steblin-Kamenskii, M. I. (1984). *Mir sagi: Stanovlenie literatury* [Saga world: Development of literature]. Nauka. (In Russian).
- Straubhaar, S. B. (2005). Wrapped in a blue mantle: Fashions for Icelandic slayers? In R. Netherton, & G. R. Owen-Crocker (Eds.). *Medieval clothing and textiles* (Vol. 1, pp. 53–65). The Boydell Press.
- Taylor, G. W. (1983). Detection and identification of dyes on Anglo-Scandinavian textiles. *Studies in Conservation*, 28(4), 153–160.
- Vanden Berghe, I., Gleba, M., & Mannering, U. (2009). Towards the identification of dye-stuffs in Early Iron Age Scandinavian peat bog textiles. *Journal of Archaeological Science*, 36, 1910–1921.
- Walton, P. (1988). Dyes and wools in Iron Age textiles from Norway and Denmark. *Journal of Danish Archaeology*, 7(1), 144–158.

- Wolf, K. (2006a). The color blue in Old Norse-Icelandic literature. In J. McKinnell, D. Ashurst, & D. Kick (Eds.) *The fantastic in Old Norse/Icelandic literature: Preprint papers of the 13th International Saga Conference, Durham and York, 6th–12th August, 2006* (Vol. 2, pp. 1071–1080). Univ. of Durham, Centre for Medieval and Renaissance Studies.
- Wolf, K. (2006b). The color blue in Old Norse-Icelandic literature. *Scripta Islandica*, 57, 55–78.
- Wolf, K. (2013). Basic color terms in Old Norse-Icelandic: A quantitative study. *Orð og tunga*, 15, 141–161.

Информация об авторе

Дарья Сергеевна Глебова

кандидат филологических наук
доцент, Школа филологических наук,
Национальный исследовательский
университет «Высшая школа
экономики»
Россия, 105066, Москва, ул. Старая
Басманная, д. 21/4
✉ darsgleb@gmail.com

Information about the author

Daria Sergeevna Glebova

Cand. Sci. (Philology)
Associate Professor, School of Philological
Sciences, HSE University
Russia, 105066, Moscow, Staraya
Basmannaya Str., 21/4
✉ darsgleb@gmail.com